18+

Леонид Кузнецов

КОМИКС ПРО ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО...

Часть первая

Леонид Кузнецов

Комикс про то, чего не было… Часть первая

«Издательские решения»

Кузнецов Л. В.

Комикс про то, чего не было… Часть первая / Л. В. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909901-3

Даже когда Он сошел с креста и вернулся в Кесарию Стратонову к Пилату спасти своих друзей, Он запрещал называть себя Мессией. Хотя, может быть, Он был прав? Ему же лучше знать…

ISBN 978-5-44-909901-3

© Кузнецов Л. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Богоматерь 6
Давай, ты будешь меня любить до самой смерти 10
Синие глаза 12
Часть первая 13
Мученики Элазара 13
Колесница первосвященника 15
Страшный гость 19
Не люблю, когда меня жалеют 22
Пушистые когти 25
Я у тебя воды просил. Ты мне дал? 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Комикс про то, чего не было… Часть первая

Леонид Владимирович Кузнецов

© Леонид Владимирович Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4490-9901-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Богоматерь

Никто так и не понял, за каким Дьяволом она сюда приехала. То есть понятно – зачем: рожать своего ребенка. Но почему именно сюда – в эту дыру? Вся такая гордая и неприступная… Что бы ей было не поехать в Ершалаим? Или вовсе за границу. Скажем, в Грецию. Она же явно не из простых. Там и врачи хорошие есть. А здесь – только повитуха. Да и та вечно пьяная. Грязь кругом. И тупые лица…

И ведь не похоже, чтобы она от кого-то пряталась. Или чего-то стеснялась. Ходила на рынок с высоко поднятой головой. В своих шикарных платьях. И в бриллиантах. Словно издеваясь. Словно плевать она на всех хотела. Это с пузом-то! Да без мужа. – Шлюха!…

Оно, конечно, можно было ее порасспросить… Впрочем, нет, сделать это было решительно невозможно. Пробовали. И ощущение оставалось такое, будто она тебя или не слышит, или не понимает. Как будто ты перед ней никто, пыль под ногами, и она тебя – подлое ничтожество – знать не желает. Еще бы корону на себя надела, дрянь такая!…

Потом и вот еще как подумали: а вдруг ведьма – глухая? Проверяли. Хлопали у нее за спиной в ладоши. И громко лаяли. Тут двое умеют. Очень натурально у них получается. Ни разу не обернулась, но всякий раз вздрагивала. Значит не глухая. Может тогда немая? – Да тоже вроде нет. Уже когда родила, люди слышали, как она в своей жалкой халупе, купленной за три серебряные римские монетки, напевала что-то своему заморышу. Слов разобрать было нельзя, но пела она ему что-то приятное. И незнакомое. Значит, просто не желала ни с кем разговаривать. Она ведь даже на рынке никому ничего не говорила. Просто показывала пальцем на то или на это, не торгуясь, оставляла на прилавке медную монетку, забирала свою покупку и молча с ней уходила. Деньги и драгоценности закончились, когда она уже родила. Все продала. За бесценок. Даже свои платья! Но и тогда не пошла наниматься на работу, полы там мести или колосья в поле подбирать. Чем питалась – неведомо, однако, не жаловалась. Она вообще никогда не жаловалась. Вот дрянь в самом деле! Нельзя же так! … На рынке стали поговаривать, что эдак ведь и с голоду ведьма помереть может. И щенка своего уморит. Но еду на порог ей не клали. А с какой стати, спрашивается? Если она такая…

У раввина все-таки спросили – как с ведьмой поступить, если до края дойдет. Но тот ничего не сказал. Ему тогда ни до чего было. Потому что из Ершалаима пришла бумага: Каифа переводил его в другой город. В настоящий, больше Магдалы! На повышение, значит, его первосвященник отправил. Ну и, понятно, этот дурень перепугался до смерти, потому что раввин из него был никакой. Совсем никчемный. Да он и сам это понимал. Потому и испугался. Ну и магдальцы, понятно, тоже растерялись: – кого ж теперь к ним взамен пришлют? Хуже ведь, кажется, и быть не может!

Когда ребенку ведьмы исполнился год и он начал ходить, она каждый вечер брала его за руку и выходила с ним на улицу. Только шли они почему-то не на площадь, как все нормальные люди, а к недостроенной римлянами водонапорной башне. Туда, где город заканчивается. И подолгу там стояли. Все на дорогу смотрела, словно ждала, что кто-нибудь из Ершалаима или откуда-нибудь еще за ними приедет, досыта их накормит, выкупит обратно все ее платья и драгоценности и увезет их отсюда в красивую жизнь. В которой она родилась. Но только никто не ехал. Они тогда еще что-то ели. А потом их как-то невидно стало. Песни, правда, своему ребенку она по вечерам еще пела. Люди ходили слушать. Так почему все-таки ведьма выбрала именно эту дыру? Очень уж это интересовало горожан. – А почему сразу – дыра? Тут и площадь есть. Ничего так, большая площадь. И синагога имеется. Вполне себе нормаль-

ная синагога. Договорились даже всем обществом, чтобы на эту площадь скотину не пускать, хотя козлы, конечно, туда и сейчас забредают. Им ведь не объяснишь. Зато здесь – на площади – кипарисы растут. Невысокие правда… Пять штук. А потом, озеро еще есть… Так почему же дыра? – Да потому что – дыра! Мерзкая и вонючая. Сонное болото! И, когда изящная ножка молчаливой аристократки ступила в это немытое убожество, горожанам стало все ясно. И про себя, и про свою затрапезную Магдалу. В общем, немую здесь не любили. Еще и за то, что она этого не замечала. За это – в особенности. Попытались было даже ее травить. Слова неприличные ей вслед кричали. Помои под дверь выливали. Но у ведьмы неожиданно появился защитник в лице нового раввина, присланного из Ершалаима, отличавшегося, надо сказать, весьма суровым нравом. В подпитии этот грубиян мог не только крепким словом образумить кого угодно, хотя бы и градоначальника, но даже и палку в руки взять. Так что его не только уважали, но и побаивались. При этом уважали не за одну лишь свирепость: все в городе знали, почему он здесь оказался. Как и немая гордячка он был белой вороной, но вороной совсем иного рода. Если про нее никто ничего хорошего сказать не мог, последний забулдыга в Магдале знал и страшно гордился тем, что их новый раввин, вчера еще будучи членом синедриона, в пух и прах разругался с Каифой, за что и был первосвященником сослал в эту дыру. Ершалаим, синедрион, первосвященник, – да сами эти слова для магдальцев звучали волшебно! Они были прекрасными, возвышенными и далекими как Луна. Поссориться с Каифой в глазах местного обывателя было все равно, что подраться с царем. Ну, не подраться, конечно, а, например, сказать Ироду что-нибудь обидное. Что и так многие думали, но никто не смел сказать ему вслух. То есть это было великим подвигом, на который способен только человек значительный. И то обстоятельство, что этот пьяница чуть что хватался за палку и, вообще, обращался с магдальцами, как со скотиной, с которой иначе нельзя, только подтверждало, что рядом с ними поселился высокообразованный и благородный человек. Небожитель одним словом. И что дышать с ним одним воздухом для всех этих тупиц – большая честь. В общем, Иосифом действительно гордились. Чистая правда! Было только непонятно, с какой стати такой выдающийся и, можно сказать, высокодуховный человек взялся покровительствовать немой нищенке, но спросить его об этом, понятно, никто не решался. И за меньшую вольность палкой приходилось получать. В конце концов, могут же быть у человека свои резоны: она молода и красива, а главное – одна и с ребенком. То есть никому не нужная. Ну а он тоже одинокий, без жены. И тоже с маленьким сыном. К тому же не старый еще. Пьет, правда… А ей кого хотелось? – Принца, что ли? … Собственно, так и подумали. Немного странным показалось лишь то, что, приехав в Магдалу, Иосиф тут же начал расспрашивать про женщину со светлыми волосами, словно заранее знал о ее существовании. Она тогда уже недели две из дому не выходила. За водой разве что. И совсем худая стала. Как смерть. Откуда он мог о ней знать? – Да ниоткуда! Она во всяком случае его не знала. И уж точно не его она ждала. Постучав в дверь, Иосиф еще с улицы заговорил с ней по-гречески. То есть говорил он. Она молчала. Люди рассказывали, что ведьма сама открыла ему дверь. И впустила. Войдя в дом, Иосиф быстро оценил ситуацию, однако, никакого удивления или сочувствия не выказал, а вместо этого принялся рассказывать про себя. Что у него недавно умерла жена. Что он в быту беспомощен. Что Каифа – сволочь, а он глубоко несчастен. И все такое. Она молча стояла и слушала его. Кажется, понимала. Да точно – все она понимала! Ведь, когда он попросил ее помочь с сыном, ну и там по дому… Нет, не прислуживать, конечно, а просто поддержать хозяйство… Домоправительницей побыть… И на рынок разве что еще когда сходить… Словом, не дать ему с сыном пропасть. И немая вдруг кивнула. Согласилась, значит. Проку от нее было немного, потому как делать она ничего не умела. Ни готовить, ни стирать, ни даже пол толком подмести. Поэтому пришлось ей в помощь нанять еще и полоумную стряпуху. Но на рынок она всегда ходила сама. И в доме Иосифа стало как-то по-человечески. Даже уютно. А куда ей было

деваться? Она по-своему даже благодарна ему была. Годовалого сына ведь надо было чем-то кормить. Сил у нее тогда уже почти не оставалось. Платил ей Иосиф немного, но платил. Регулярно. К этому, собственно, все его покровительство и свелось. Ну разве что тот кретин, что умел красиво лаять, однажды схлопотал палкой по голове. Больше не лаял. И ведьмой ее звать перестали. По той же причине. В общем, Иосиф вовремя приехал. Ну, или почти вовремя. По крайней мере она не от голода померла. Примерно за полгода до смерти немая, отправляясь к раввину, стала брать с собой сына. Чтобы не бегать туда-сюда. Совсем тяжело ей уже было. Иногда они даже и обедали вместе. Вчетвером. Но никакой личной жизни там не случилось. Точно! Узнали бы. К тому же она ведь и с Иосифом не разговаривала. Только сына его, Михаэля, иногда гладила по голове и говорила ему всякие незнакомые слова. Наверное, ласковые. И глаза у нее при этом делались мокрые. Словно бы она и с ним тоже прощалась. Словно бы уже все наперед знала. Но чтобы заплакать – не было такого никогда. Даже когда умирать стала. А ведь ужасно мучилась. С животом у нее что-то случилось. Никто не знает – что. Повитуха руками развела. Сказала, что не слыхала про такую болезнь. За три дня сгорела, бедняжка. Ну и хорошо, что не долго страдала. А может она просто сумасшедшей была, ведь и сын ее заговорил только через два года после ее смерти? Когда ему исполнилось четыре. Его поначалу даже за идиота принимали. И почему-то опасались, что, если он не помрет в младенчестве, потому как уж больно хилым рос, каким-то прозрачным, у него непременно должна будет открыться эпилепсия. Почему? – Никто этого сказать не мог. Но ждали чего-то подобного. Может потому, что мальчишка всегда носил на голове белую тряпку и как-то странно смотрел на людей? Как будто не глазами. Словно бы он вовсе не людей в них видел, а что-то такое, чего никто больше не видел. Хотя, при чем здесь тряпка? Нет, эпилепсии у него не обнаружилось. Мигрени и жестокие с ним случались, но эта напасть поразила его значительно позже, – уже после того, как он свалился с дерева и ударился головой. Похоронив немую за общественные деньги, Иосиф сделал нечто такое, после чего его в Магдале зауважали еще больше: он взял ее слабоумного сына в свой дом. Ел мальчишка мало и одежды носил только те, из которых вырастал Михаэль, но все равно ведь расходы на него были. Так что нечего говорить: хорошее дело Иосиф сделал, божеское. Вот только никто не знал, что раввин был не так уж и бескорыстен. За день до спешного отъезда или, проще говоря, его изгнания из Ершалаима, к нему на улице подошел незнакомец, сунул в руку пакет и как сквозь землю провалился. К письму, в котором содержалась просьба присмотреть за одинокой светловолосой женщиной, плохо говорящей на арамейском и проживающей как раз в том самом городке, в который ему предписано завтра ехать, прилагалась большая римская монета – золотой ауреллиус, к слову сказать, в пересчете на шекели составлявший чуть не полугодовое жалование раввина. В письме говорилось еще, что точно такую монету раввин, если окажет покровительство вышеупомянутой особе и при этом сохранит тайну, будет получать ежегодно, а через десять лет или даже раньше Каифа его помилует. То есть Иосиф сможет вернуться в Ершалаим: на первосвященника будет оказано необходимое давление. Через год, когда синеглазая уже умерла, Иосиф и в самом деле получил свой очередной ауреллиус. Непонятно от кого и не особенно его ожидая, потому как покровительствовать было уже некому. Решил, что заплатили ему теперь за мальчишку. Однако, тот ауреллиус оказался последним. Очевидно, где-то там узнали, что женщина умерла. Раввин, конечно, расстроился. Потому как третий ауреллиус он уже ждал. Очень на него надеялся. Деньги ведь и в самом деле не маленькие. Но мальчишку от себя не прогнал. Может потому, что к нему привязался Михаэль. Ровесники все-таки…

А в Магдале примерно в то самое время, когда Иосиф понял, что второй ауреллиус был последним, появился еще один вдовец и тоже с ребенком – с девочкой, с которым раввин на удивление быстро сдружился. Причин для их сближения было много. Во-первых, Сир оказался вторым человеком в Магдале, который читал греческие книжки. У него их было целых

три штуки. То есть у Иосифа появился достойный, высокообразованный собеседник. Во-вторых, будучи хоть и не крупным, но достаточно успешным виноторговцем, Сир, растрогавшись благородством раввина в отношении полоумного сироты, самостоятельно, то есть без всяких на то намеков, вызвался стать спонсором мальчишки, —

– Только так, чтобы об этом никто не узнал!, —

оговорил он свое условие и, хотя ауреликсами не сыпал, материальную помощь оказывал весьма ощутимую. В-третьих, вино, которым торговал Сир, Иосифу очень нравилось, тем более, что доставалось оно ему даром

И, наконец, чтобы торговля не умерла, Сиру необходимо было с кем-то оставлять свою маленькую дочку. Не мотаться же с такой обузой по близким и не очень близким городкам и селам, ведя бесконечные переговоры с производителями и покупателями его замечательного товара.

Давай, ты будешь меня любить до самой смерти

Мария заметно волновалась, когда Сир впервые привел ее в дом Иосифа – знакомиться. Самого раввина она почему-то не испугалась, чем и купила его. Деловито вскарабкалась к нему на колени, ткнулась носом ему в щеку, что, по всей видимости, означало поцелуй, быстро слезла и в тот же миг забыла о его существовании. Волновалась она потому, что не только с раввином, как предупредил Сир, ей предстояло тут встретиться. И что эти мальчишки на целый год ее старше. Вот их-то появления она и страшилась. Платьице все время поправляла. А эти дураки все не шли и не шли. Потому что убежали купаться на озеро, а потом еще и рыбу вздумали ловить! Если бы хоть что-нибудь поймали!…

Настал момент, когда Мария не выдержала, некрасиво скривилась и, если бы Сир не шлепнул ее по заду, разревелась бы. Но вот, наконец, они ввалились… Мария сразу вся сделалась красная, сильно вспотела, захотела убежать, но ноги почему-то перестали ее слушаться. Она сама не помнила, как подошла на этих чужих ногах к мальчишкам и обоим по очереди ткнулась носом в щеки. Сначала тому, что был с белой тряпкой на голове, – он ближе стоял, – а потом Михаэлю. И тогда уже потеть дети стали втроем. Чуть позже Мария все-таки расплакалась, но никто сейчас не может вспомнить, по какому поводу. В тот день она не произнесла ни слова. А через неделю рот Марии уже не закрывался, и Сир со спокойным сердцем мог уезжать по своим делам. Случалось, он по три дня не возвращался в Магдалу, и тогда Мария становилась хозяйкой в доме Иосифа. Этот клоп на тоненьких ножках командовал здесь всеми, даже самим раввином. Слабоумный с тряпкой на голове как бешеный носился с метлой по дому и дуром гонял пыль, отчего дышать становилось невозможно. Унять его при этом было совершенно невозможно. Михаэль отвечал за огонь и к нему лучше было не приближаться. Иосиф, у которого Мария отбирала деньги, чтобы он не купил вина, бывал посылаем ею на рынок с наказом – с пустыми руками не возвращаться. А сама она раздавала ценные указания придурковатой поварихе, обучая ее искусству готовить обед из ничего. Ну, или почти из ничего: с рынка ведь Иосиф что-то все-таки приносил. Не ему – Марии, за ее звонкий смех и лучистые, огромные как плошки зеленые глаза магдальцы охотно передавали через Иосифа продукты. Без денег. Кто что. Потому что к ним в город пришла радость. Когда Сир возвращался в Магдалу из своих бесконечных поездок и забирал девочку, в доме раввина наступала противная тишина и делать ничего не хотелось. Михаэль выдерживал не более часа. Он являлся с решительным лицом к отцу, который из последних сил делал вид, что читает кого-то из умных греков, минуту пыхтел, привлекая к себе внимание, а потом говорил: – «Ты как хочешь, а мы пошли.» Светловолосый с тряпкой на голове давно уже маялся за воротами с метлой в руках. Иосиф «сердился» на сына, даже топал на него ногами, громко жаловался, что ему вечно мешают работать, но при этом почему-то оказывался уже одетым. И даже в сандалиях. Через несколько минут дом Сира наполнялся шумной и радостной суетой: один поднимал облака пыли, другой все вокруг поджигал, грозя спалить дом, девчонка орала и топала ногами на повариху, которая искренне не понимала, на кого она все-таки работает за такую мизерную плату, на которую совершенно невозможно выжить, если не воровать, а взрослые следили за тем, чтобы никто здесь не пострадал. Ну и как могли помогали. То есть старались не сильно мешать. После ужина Иосиф и Сир обыкновенно ставили на огонь медный чан с водой, малышей отпускали погулять и выпивали по маленькому бокальчику. Или по два. Через час, уже несколько умиротворенные, они отправлялись на поиски детей. А найдя, уговорами и подзатыльниками возвращали их домой, после чего орущую и хохочущую трощу без особых церемоний раздевали и швыряли в огромную деревянную бочку, стоявшую во дворе, где в подогретой воде уже плавал ни на что не похожий кораблик с настоящим шелковым парусом, и… напрочь про детей забывали. В их сердцах поселялся

покой, а на стол уже открыто выставлялось вино. Писклявый голосок Марии, рассказывавшей очередную, только что придуманную ею историю, давал понять, что бандиты где-то рядом и что с ними все в порядке. Случалось, глубокой ночью Иосиф и Сир, прикончив третий, а то и четвертый кувшин, спохватывались и, спотыкаясь, бежали к остывшей бочке. А малыши давно уже вповалку спали в кровати Марии, укрывшись ее одеялом. Сиру даже пришлось со временем купить одеяло побольше. С этой бочкой связано одно примечательное событие. Однажды, увлекшись, Михаэль, который решил тот кораблик потопить, чему Мария и светловолосый отчаянно сопротивлялись, чуть не утопил саму девчонку. Нечаянно, конечно же! И вот тут железной рукой (Михаэль так потом всем и рассказывал – железной) ни слова за свою жизнь не произнесший молчун взял сына раввина за горло и на чистейшем арамейском произнес, жутко спокойно глядя ему куда-то сквозь глаза: – «Не смей обижать Принцессу, плебей!». Михаэль, предводитель местной мелковозрастной шпаны, в свои четыре с половиной года уже знал семь взрослых ругательств, из которых два были страшно неприличными. Слово «плебей» он услышал впервые, а потому даже не обиделся. Да и некогда ему было обижаться, когда тут такое! Михаэль этого слова и не запомнил. Как ошпаренный, он выскочил из бочки и как был – голый побежал в дом, вопя на всю Магдалу: – «Заговорил!! Заговорил!!…". Иосиф не сразу сумел выбраться из-за стола, так что первым у бочки оказался Сир. Он был весь красный и какой-то растрепанный.

– Что, правда?, — обратился он не то к мальчишке, не то к дочери. — Скажи мне что-нибудь.

– Меня зовут Ав. А что бы ты хотел про себя услышать?, —

спросил его светловолосый по-гречески. Сир опешил. И растерянно забормотал тоже по-гречески, пытаясь не смотреть в бездонные голубые омуты: —

– Ну, не знаю… Чего хочу?… Ну, чтобы я пил вино… – он решил отшутиться, — скажем… с римским императором… И умер страшно богатым. Сир виновато улыбнулся, понимая, что сказал глупость, но мальчишка вполне серьезно ему ответил: —

– Случится по-твоему: ты умрешь страшно богатым, — при этом показалось, что голос у Ава как-то странно изменился. — А перед этим ты будешь пить вино с римским императором. Только какая тебе в том радость?…

Голова Сира закружилась. Он обеими руками ухватился за бочку, чтобы не упасть, и стал проклинать себя за то, что выпил слишком много вина. Вот тут и подоспел Иосиф. Вдвоем они вытащили из воды потерявшего сознание мальчишку и осторожно отнесли его на кровать Марии. Глубокой ночью, когда Михаэль видел уже седьмой сон, Мария подползла к светловолосому, неподвижно лежавшему на спине с закрытыми глазами, ткнулась носом в его щеку, немного посопела и прошептала ему в ухо

– Давай, ты будешь меня любить до самой смерти, – подумала немного и добавила: – А я тебя, — и снова ткнулась носом ему в щеку.

– Давай, – вдруг услышала она, страшно испугалась, быстро отползла, спряталась за Михаэлем и долго потом не могла заснуть…

Синие глаза

– Нет, ну точно, говорю тебе, она сумасшедшая была, – почему-то возмущался Иосиф.

– Ну почему же сумасшедшая? — сопротивлялся Сир, пытаясь защитить женщину, которую никогда не видел. И, как обычно, говорили они меж собой по-гречески.

– А где ты видел, чтобы ребенка месяцем называли?!

– Каким еще месяцем?

– Да июлем ведь она мальчишку назвала!, — кипятился Иосиф.

– Каким еще июлем?

– Ну ты чего?! Ав по-арамейски – июль.

– Ну, июль, так июль, давай еще выпьем.

– Давай!

– За ее здоровье.

– Дурак, она ведь умерла!

– Да-да, конечно!, — спохватился Сир. – Ну, тогда за его здоровье…

– Давай, — согласился Иосиф. – За Ава!

– За Ава, — подхватил Сир, – Вот ведь как бывает… А что, правда красивая была?

– Очень! И глаза!…

– Что глаза?

– Я таких раньше не видел. Серые…

– Синие, – тихо поправил его Сир.

Утром Мария сделала вид, что ночью ничего не было. Ав – тоже

С тех пор ее и стали звать Принцессой. А с теми, кто не хотел ее так звать, Михаэль дрался до крови.

Часть первая

Мученики Элазара

Огромный раскаленный желток решил уже окончательно утонуть в Тиверийском озере, когда из синагоги на площадь повалил народ – распаренный и красномордый, словно из бани. Покидали магдальцы дом молитвы чрезвычайно довольные тем, что их, наконец-то, отпустили. Мыслями они давно уже были со своими близкими, ведь только в самых бедных домах сегодня не жарили ягненка. Выбравшихся на улицу было подозрительно много, гораздо больше, чем обычно. А все потому, что накануне отпраздновали четырнадцатилетие Михаэля, и всех удивил Иосиф, который, должно быть стесняясь Марии, ни с кем за весь вечер не поругался. Как следствие почти все его вчерашние гости явились сегодня к нему и в синагогу. – Своего рода поощрение. Он даже не ожидал.

Никто не был зван на вчерашний праздник Михаэля. Но почему-то горожанам в нужный час пришло в головы прогуливаться именно рядом с домом Иосифа. При этом все как один они оказались нарядно одетыми.

– Эй там!, — кричала каждому проходившему мимо Мария. — Ну-ка быстро за стол! Сколько тебя можно ждать? —

и «случайный» прохожий, обласканный ее волшебным взглядом, извиняясь «что без подарка, потому как не знал», в следующий миг оказывался сидящим на скамейке рядом с миской жареной рыбы и с чашей вина в руке. Соседи так те и вовсе со своими скамейками пришли. Чего уж там! Не к Иосифу, заметим, все они шли, – к Принцессе. Отказать в чем-либо Марии было делом невозможным. Если позвала, значит придется повиноваться. Никуда не денешься. Да никто и не пробовал ей отказывать. А в чем секрет ее гипноза? – Это особая тема. Таких, как Мария, на свете больше нет. Ну, может быть, в большом городе и попадется одна-две сумасшедшие, которые смотрят на первого встречного как на родного человека, но в Магдале о таких раньше не слыхали. И потом она – не сумасшедшая. Разве придет в голову спрашивать сумасшедшую:

– Как там Сир, не купил ли новую бочку? – Давно ищет…

К тому же она не боится воды, и вообще ты можешь к ней прикоснуться, дать ей финик или посмотреть на ее неправильно растущий зуб, когда она тебе засмеется. Она ведь даже не говорит, что всех любит. Вон Иосиф только и делает, что про любовь говорит, а палка ему зачем? И вроде ничего она тебе не обещает, а так легко на душе делается, словно в парном молоке искупался или шекель на дороге нашел. Такая вот в Магдале живет колдунья. Мария всю ночь простояла у печки и нажарила много рыбы. А Сир припас две большие амфоры вина. И еще она напекла сладких лепешек. Еле донесли корзины с провизией. Да, много было еды. А много – это сколько? Иосиф недоумевал, поглядывая на незваных гостей, жадно уплетающих приготовленные девушкой вкусности, – когда же еда закончится? Принесенного его друзьями могло хватить на десять, ну пусть на пятнадцать человек. Но их же сюда приволоклось… – Господи, а сколько их в самом деле?! – Иосиф принялся считать и на пятидесятом сбился. При том что еда все не кончалась. Ав уже пятый кувшин из амфоры наливает, а она все не пустеет! Вторая так и вовсе пока не тронута. Кстати, а сколько в такую амфору кувшинов влезает? – Три? – Самое большее – четыре. Но точно не пять! А главное, никого не интересует, откуда что берется! Уж пьяные все…

Так вот, вышли сегодня эти беззастенчивые дармоеды из синагоги, довольные и разомлевшие и вдруг… – Кто сказал – Элазаровцы едут? – Никто ничего не говорил. – Ну как же не говорил, когда?… – А чего рожи тогда у всех такие встревоженные? – В общем, вроде как

действительно никто ничего не сказал. Но почему-то всем вдруг подумалось… И те, у кого есть дочери, быстро побежали домой. Всякие нехорошие вещи случались. Девчонок надо бы прятать…

А кто-то вернулся в синагогу. Там у входа как раз на такой случай особые палки хранятся. И на каждой желтая тряпка намотана. Если с такими флагами встречать Воинов Элазара, то те понимают, что их в городе любят и за святость уважают. Тогда, может быть, сильно грабить не будут. В общем, настроение оставшихся на площади испортилось. А уйти теперь уже нельзя: хуже будет. Иосиф, увидев, что стали палки с желтыми тряпками разбирать, тоже разнервничался. Терпеть он этих Мучеников Элазара не мог. И даже вслух про них плохое говорил. Ну, ему, наверное, можно. Раввина поди не тронут. Ведь они все вроде как за Бога. За одного и того же. Не должны во всяком случае. Хотя…

Колесница первосвященника

Только высохшие старики, которым уже ничего не надо, да разве что грудные младенцы в Магдале не слыхали о колеснице первосвященника, подаренной ему позапрошлым летом римским императором. Это диковинное сооружение, потрясавшее очевидцев своими циклопическими размерами и напоминавшее собой уже не карету, а скорее плывущий по пустыне корабль, не просто обсуждали, о нем горячо спорили. Случалось, взрослые люди, отцы уважаемых семейств, из-за этого роскошного дворца, путешествующего не на четырех, а аж на шести исполинских колесах начинали даже ругаться, чаще всего, когда пускались в бессмысленные рассуждения о том, подобает ли первосвященнику принимать столь драгоценные дары от поработителя. Добро бы еще это было подношение от Ирода, – какой ни есть, все-таки свой царь, – но не от римлянина же!

Высокому градусу благородного патриотического возмущения горожан, однако, мешали перейти взрывоопасную критическую отметку два веских обстоятельства: во-первых, в Магдале решительно все были в курсе, что первосвященник в подаренной Августом карете никогда сам не ездил и сыну своему не позволял, эксплуатируя это чудо заморской техники лишь в особых случаях. Исключительно в качестве парадного аксессуара. По-другому говоря – в представительских целях. К примеру, минувшей осенью именно в этом шикарном поезде на встречу с Иродом прибыл враждебно настроенный по отношению к римлянам Архелай – царь Каппадокии. С поваром и четырьмя своими советниками. А через неделю, без советников, но зато с женой и ее дочерью отправился из Ершалаима домой еще менее надежный друг цезаря – парфянский царь Артабан. Что в столице делали эти цари и правители еще четырех других государств неизвестно. О чем они разговаривали с Иродом – большая тайна. Может и ни о чем. А просто так встретились. И пили себе вино. Но весь Израиль радовался, чувствуя себя не последним царством на этом свете, раз такие люди сюда ездят. Во-вторых, первосвященник нашел в себе смелость уже дважды отказать Валерию Грату – прокуратору Иудеи, просившему взаймы эту диковинную игрушку на весьма соблазнительных условиях, в первый раз, чтобы прокатить в ней консула с супругой, прибывших к нему в гости из Рима, а во второй – проконсула империи, инспектировавшего восточные провинции. Без жены. Уперся и не дал! Что, конечно же, людям было приятно. В общем, разговоры об этом шедевре эллинских мастеров, которые при другом раскладе могли бы завершиться в Магдале вовсе не миром, начали постепенно терять свой накал и благополучно спустились из опасных сфер политики в область сугубо техническую. Что местному градоначальнику было, разумеется, на руку. Немного странными, правда, казались глубокомысленные рассуждения горожан относительно того, почему именно такого размера, а не меньшего, были изваяны четыре задних колеса, а также предположения, из чего сделаны неубиваемые ободья этих вращающихся колоссов. Еще глупее звучали фантазии местных кузнецов (к которым почему-то прислушивались) относительно того, что, вот если бы колеса обтянуть ремнями из овечьей кожи, а не буйволиной шкурой, то ход у колесницы сделался бы куда мягче. И уж совсем нелепыми являлись гадания обывателей насчет того, скольких пассажиров колесница в себя вмещает и какое количество лошадей в нее следует запрягать, чтобы не испытывать неудобств в пути, к примеру, чтобы она могла ехать с горы и в гору с одинаковой скоростью. Странными, если не сказать грубее, все эти дурацкие дебаты являлись потому, что никто из горожан этой проклятой колесницы никогда в глаза не видел. В самом деле, – где Ершалаим, и где Магдала!

У людей, стоявших на площади, начали сдавать нервы. Иосиф, боявшийся подойти к окошку, схватился за метлу и, проклиная куда-то запропастившегося Ава, святой обязанностью которого было выметать шелуху подсолнечника и хлебные крошки из-под лавок

после каждой проповеди, начал остервенело гонять пыль по синагоге. А с юга из-за холмов на Магдалу поползла огромная, грозно сверкавшая золотой чешуей, змея. Какое-то время ее живой настойчивый зигзаг молча искал в долине путь к городу. Потом послышались отдаленные раскаты грома. Кто-то в толпе выразил надежду, что «может быть мимо проедут?», но отклика этот кто-то не нашел. Потому как проехать мимо было просто невозможно. Это знали все. Другой дороги не было. И тогда палки с желтыми тряпками подняли высоко над головами. А на лицах… Нет, лучше бы они не пытались изображать радость…

Клубящееся песчаное облако съело почти достроенную водонапорную башню, находившуюся в каких-то двух шагах от Магдалы.

– Точно, двадцать всадников, не меньше, — срывающимся голосом проинформировал онемевшую от ужаса толпу какой-то прыщавый умник и при этом громко закашлялся, чтобы не показаться уж слишком испуганным.

– Какие двадцать? Да их тут человек сто скачет! —

возразил ему чей-то возмущенный гадостный тенорок, на последнем слове сорвавшийся в фальцет. О ягненке забыли. Послышался далекий детский плач, и вдруг настала зловещая тишина, как будто молния уже располосовала небо, а гром решил помедлить, нагнетая ужас: – из-за поворота показались грозные лошадиные силуэты. Еще мгновение… Еще одно… И вот, словно плотину прорвало: раздался оглушительный грохот копыт.

– Брусчатка, — прокомментировал происходящее какой-то очередной идиот, – что прошлым летом положили. А я так думаю, лучше бы рынок в порядок привели, —

и, слава Богу, заткнулся, потому как и в его голосе послышались рыдающие интонации. Казалось, еще немного и человек расплачется. Величественная колесница первосвященника, мягко распоров бумажный воздух, вплыла на площадь, странным образом уменьшив ее размеры, описала красивую дугу и, не сломав ни одного из чудом приживших в этом раскаленном каменном аду пять дохлых кипарисов, застыла перед синагогой. Что любопытно, до момента полной остановки слышно было только цоканье лошадиных копыт. Сама же карета двигалась бесшумно. Точнее с тихим шелестом, словно бы она катилась по мокрому песку или по ковру из осенних листьев. – Вот именно, – шкуры на ободьях! И ведь это еще не все: карета была снабжена тормозами! Кто из жителей Магдалы видел прежде такое? Кто вообще слышал слово «тормоза»?

Спохватившийся градоначальник выхватил у окаменевших знаменосцев палки с желтыми тряпками и бросился с ними в синагогу. Что он крикнул Иосифу – неизвестно, но только раввин уже не мог остановиться. Он так и продолжал размахивать метлой. Похоже, Иосиф вообще не услышал градоначальника. Ну не был он никогда храбрецом! И что теперь?…

Накрывший площадь и быстрой волной сбежавший вниз по мгновенно заполнившейся зеваками улице стон восхищения стал заслуженным аплодисментом вознице, показавшему себя большим мастером. Потрясенные горожане не могли оторвать глаз от прекрасного исполинского жука, принесенного случайным ветром в их убогий серый мир из какой-то сказочной страны, расцвеченной огнями вечного праздника. И, как будто так и надо, как будто сказав себе, что все в порядке, что здесь живут точно такие же люди, что и в Ершалаиме или, скажем, в Риме, заблудившееся насекомое спрятало под брюхо свои лапки и мирно уснуло прямо на дороге. Как будто действительно ничего особенного не случилось. А ведь случилось! Еще как случилось!! И мозги обывателю взорвала даже не сама карета с ее гигантскими колесами, которая, казалось, сейчас продавит мостовую из-за непомерной тяжести вылитого на нее настоящего золота, хищными жирными щупальцами сдавившего выточенное из красного дерева драгоценное тело. Гипнотический эффект вызвали живые участники картины, а именно: восемь высоченных вороных коней, запряженных четырьмя парами – одна за другой, которым не доставало лишь крыльев, чтобы взлететь, и невообразимых габаритов возница. Чтобы правдиво описать участников сказочного действа, развернувшегося перед глазами оне-

мевших жителей Магдалы, понадобилось бы, наверное, множество слов, но, если попробовать сделать это каким-то одним, то этим словом было бы даже не «громадное», а скорее «волшебное». Вот именно – волшебное!

Никто уже не вспоминал про элазаровцев. Толпа остолбенело пожирала глазами то, чего не может быть, как если бы чья-то теплая рука легла на ее усталый затылок, запустила ласково шевелящиеся пальцы в мокрые от жары волосы и, погружая в сладкое оцепенение, принялась с чуть слышным хрустом небольно ломать ее представление о возможном. При этом неожиданно замолчали не только собаки, но, странным образом, стих даже ветер. И мало-помалу недавний, оказавшийся к счастью напрасным, страх вытеснило совсем иное, но столь же, впрочем, беззащитное чувство, какое мы испытываем в театре, когда гасят нарисованное на потолке солнце и на сцену выходят каменные великаны разыгрывать перед нами, притихшими муравьями, свои величественные мистерии, которые мы опасливо, боясь нечаянно быть раздавленными, подсматриваем и в которых даже не помышляем участвовать. Лошади, – ладно, Бог с ними, слыхали про зверя и побольше, – слон называется, – но возница! Нет, ну в самом деле, где первосвященник умудрился отыскать двухметрового израильтянина?!…

И тут случилось невероятное. То, что всех окончательно добило. Задняя часть кареты ожила и разломилась. Две пыльные скульптуры рогатых гигантов, одетые во что-то мохнатое, неуклюже спустились на землю и, неторопливо обойдя экипаж с разных сторон, складно встроились в очередную каменную композицию, центром которой служила миниатюрная краснодеревая дверца, из-под которой начали медленно выползать ступени. Даже у тех, кому не посчастливилось занять места поближе, финал представления вызвал головокружение. Без шуток! Обмороков, правда, не было, но, говорят, таковые нередко случаются с теми, кто, по неосторожности проникает в запретное и нос к носу сталкивается со стражем внутреннего Ершалаимского храма. И только через некоторое время понимает, что рядом с ними находится не изваяние, не гранитная глыба, а живой человек. Причем его двухметровый рост – это еще не все. Парализующее, совершенно убийственное воздействие на психику производит внешность древнего экспоната. И ведь при этом нельзя сказать, что он страшен. Это слово здесь вообще как-то обессмысливается. Или, к примеру, что он ненастоящий. Нет, он, конечно же, и настоящий, и живой. Просто это существо, учуяв тепло нашего дыхания, просыпается и, разбивая прозрачное стеклышко эфемерной придуманной защиты, проникает в нашу расслабленную неподготовленность из другого тысячелетия. Из уже чужого нам мира. Из сказки, в которой богатыри на равных боролись с богами. Из того мифа, в который ни один нормальный человек поверить уже не в состоянии. И вот, этот безмолвный исполин в одно мгновение переносит нас в непостижимо далекое, туда, где, если и дышат, то не нашим, а каким-то густым, бирюзовым, очень вкусным воздухом. А, если кто там и умирает, то тоже не по-настоящему. Не навсегда. Мы оказываемся в том, чего больше нет. А было ли? – В том-то и фокус: в этой ситуации многое становится возможным. Очень многое! Ведь есть же он, грозный страж! Вот он стоит. В твоем сне…

Что интересно, покрашенный благородной патиной осколок невозможной древности – отнюдь не трухлявая декорация. И на его могучее тело не просто так надеты грубые звериные шкуры и почерневшие от времени железа. Ведь был же случай, когда подгулявшие римские легионеры забрались в храм, чего делать им, конечно, не стоило… В действительности имела место досадная ошибка, которую, будь на то добрая воля, можно было бы выдать за неудачную шутку, ну в крайнем случае за хулиганство. Но не преступление же это было! – Злого точно никто не замышлял. Солдаты просто не приняли во внимание тот факт, что в Риме и Ершалаиме люди по-разному относятся к своим святыням. Откуда они могли знать, что здесь до сих пор многое воспринимается всерьез? Так, кстати, потом и объясняли прокура-

тору. Когда обе стороны старались замять скандал. Потом, когда, увы, было уже слишком поздно…

Так вот, пьяные солдаты, отворив никогда не запирающуюся дверь, дуром ввалились в храм и, запалив факелы, стали подниматься по скользким от жертвенной крови ступеням туда, куда ходить, вообще-то говоря, никому не позволено. При этом, чувствуя себя в безопасности, они шутили и громко смеялись. Еще бы, – их было четырнадцать и все с оружием! Им было очень весело. А он стоял наверху один. Охраняя в полумраке дыхание тысячелетий. В этом своем доисторическом камуфляже. Со старомодным и фантастически неудобным мечом в руке, который раз в семь тяжелее римского. Таким особо и не помашешь. Хорошо, если вообще его поднимешь. Допотопное старье, списанный театральный реквизит. Казалось бы… Легионеры его даже и не сразу заметили. Приняли поначалу за статую. А чем дело кончилось? – Когда ночью разъяренный Валерий Грат примчался в Ершалаим, намереваясь разъяснить первосвященнику, кто на этой земле хозяин, и кто здесь может безнаказанно убивать римских солдат, а кто нет, его подвели к храму и показали, кто именно и, главное, чем превратил четырнадцать его доблестных рубак, выигравших вместе с ним десятки сражений, в мелкий винегрет. Стража сильно подранили, но он был жив. Он сидел на нижней ступеньке лестницы, опершись обеими руками на меч, который, однако, с удивительной легкостью поднял, когда римлянин приблизился к нему, чтобы получше его разглядеть. В общем, прокуратор вынужден был принести Каифе извинения…

Звали того стража Гавриил.

Страшный гость

Молодой человек, который вошел в синагогу и приветливо, словно старому знакомому, кивнул ополоумевшему раввину, с такой страстью выметавшему из-под лавок хлебные крошки, словно гнал оттуда чертей, вовсе не был гигантом. Не был он, впрочем, и карликом. Если кому интересно, то испачканного запекшейся кровью зловещего черного плаща, под которым так удобно прятать отвратительные орудия убийства, на нем также не было. Ну а раз не было на нем плаща, стало быть, не было на его голове и капюшона, скрывающего лицо. Открытое у него было лицо, чего там вокруг да около ходить! При этом он еще и улыбался.

Что можно добавить? – Что внешность вошедшего совершенно не уродовали жуткие шрамы. Не в том смысле, что они ему шли, придавая веса и мужественности, а в том, что никаких шрамов на его лице просто не было. Зато нос у него был и вполне себе правильный, с чуть заметной горбинкой, какой можно видеть у греков, но чаще у римлян. И находился этот нос на том самом месте, где ему и положено быть. В общем, обыкновенное, можно даже сказать, симпатичное лицо отлично себя чувствующего тридцатилетнего мужчины. Да, и уж коль начали, – на его левой руке любой без труда насчитал бы пять пальцев. Иосиф, кстати, так и сделал. Успел… В общем, пальцев на его левой руке было ровно столько, сколько им положено быть, а не четыре, как у вора, и, – что особенно важно, – не шесть, как у врагов рода человеческого, помеченных дьявольской печатью! Ну а что творилось с правой рукой? – Да и с правой тоже был полный порядок. Пожалуй, все. Ах да, коль уж зашла речь о пальцах, нельзя не сказать того, что ногти на них были чистые и аккуратно подстриженные. Если это кому-нибудь пригодится… А что, собственно, плохого в чистых ногтях и в том, что вошедший улыбался? Ведь улыбаться у него получалось естественно и вполне искренне…

Чтобы закрыть тему, добавим, и это действительно будет последнее: незнакомец был спокоен. Ни намека на раздражение или агрессию. Как-то даже чересчур, вызывающе спокоен, как не бывает, что, надо полагать, и добило раввина. С чего, судя по всему, и началось. Хотя, кто знает, с чего Иосиф «поплыл», ведь за метлу он схватился тогда, когда испуганные горожане прибежали к нему в синагогу за палками с желтыми тряпками, то есть намного раньше. Как бы то ни было, вошедший не пытался клеить на свою физиономию маску дебильного простодушия или лживой благорасположенности к человеку, которого видел впервые, как не притворяется нацелившийся на банк абсолютно уверенный в себе игрок в компании случайных карточных партнеров, что он до потери сознания, как какой-нибудь полоумный король Лир, верит всем, словно родным детям, поскольку в случае чего и вваливать доморощенному шулеру может так, что мало не покажется. Нет, тот, кто, войдя в синагогу в тот вечер и, пусть ногой, но все же достаточно аккуратно, без грохота притворил за собой дверь, не лицедействовал. Он, как уже было сказано, был просто спокоен, вот и все! Как если бы на улице его ждала римская когорта охраны или у него денег было больше, чем у царицы Савской. Он был спокоен до такой степени, что, кажется, немного даже заскучал. Без особого любопытства разглядывая начинавшего терять сознание Иосифа, он несколько секунд боролся с собой, потом все же не утерпел, сладко, хрустнув костями, потянулся и заразительно, во всю пасть зевнул, притом что усталым или заспанным не выглядел. – Чего зеваешь, идиот, если не устал?!, — остервенело рявкнул засевший в затылке раввина кто-то пушистый и с железными когтями, после чего этот кто-то еще немного поерзал и начал нервно чесаться задней лапой. —

– Я вот устал как собака и спать хочу, а и то не зеваю!… —

Это, конечно, было ошибкой, – что не спохватился. Обычно, заслышав вкрадчивый и почему-то заикающийся, способный кого угодно довести до холодного пота шепот накатывающего безумия или просто уличив себя в том, что опять, без всякой причины испугался

невидимой, скорее всего несуществующей опасности, Иосифу, умудренному не столько одиночеством, сколько, парадокс, именно этой своей поистине феноменальной трусливостью, удавалось правильно, а главное, вовремя прочитать знаки.

– Пусть ты Его и не видишь, —

сказал себе однажды склонный к избыточному пафосу и экзальтации раввин, которого Каифа прилюдно обзывал павлином и одновременно – еще один парадокс – упрекал в холодности и чуть ли не в недостатке веры, —

– да, ты Его не видишь, потому что тебя, болвана, не добудишься, но как же здорово, что Тот, Кто не умеет ошибаться, все еще помнит о тебе и зачем-то заботится о том, чтобы ты не превратился в засохшее дерево! Ну а кто, как не Он, чтобы ты, трусливое ничтожество, не проспал до смерти, посылает тебе все эти приглашения? Именно приглашения! Да еще так удачно подгадывает моменты, когда ты в состоянии их прочесть. —

Непонятно, когда и с чего Иосиф стал разговаривать так, словно ему в голову поселили безнадежного недоумка и навязали над ним опеку? Возможно, так легче было снимать замки с одному лишь ему видимых дверей…

Когда раввину удавалось прочесть послание, на его темя горячими каплями стекал покой, которого он не просил, а в душе происходили волшебные превращения. Он начинал стыдиться своего пьянства и непонятно кому обещал исправиться. Делался тихим и глупо радостным, как будто ему в спину по самую рукоятку всадили кривой египетский нож и жить ему осталось одно мгновение – то есть вечность. Он застенчиво улыбался, словно мать пообещала простить ему разбитую чашку, если он не будет больше носиться по дому как сумасшедший. И при этом переживал блаженное, ни с чем не сравнимое чувство близости… С кем? Неужели?!… Как будто рядом… Совсем близко!… Слева? – Нет, сейчас уже сверху… Теперь по волосам… А вот за спиной… Отовсюду… Берет за руку!…

А страх? – Какой еще страх? Страх чего – безумия? Или, может быть, смерти? Ну и где он теперь, этот страх? – Нет его больше! Ясно же, что его посылали не затем, чтобы испугать. А в самом деле, чего можно теперь бояться, когда собственная судьба начинает волновать тебя не сильнее страданий измочаленного пальмового веника, от которого осталось одно название и который давно пора выбросить?

Так вот, сегодня Иосиф, которого старейшины синедриона почитали некогда за умнейшего книжника, не сумел остановиться. Он просто не успел этого сделать. И эта маленькая ошибка открыла двери другим, гораздо большим страхам, сделав раввина совершенно перед ними беспомощным. В наказание за невнимательность у него была отнята память и о том, что открылось ему еще в юношестве: – что, втравливаясь в драку, ты обречен проиграть, поскольку сладить можно только с тем, что еще не началось. Чего пока нет. Или это Каифа ему сказал? – Может и Каифа, но Иосиф верил, что эту умную вещь он придумал сам. В конце концов Каифа – сволочь, а он – хороший! Не мог плохой человек придумать хорошую вещь. Совершив первую ошибку, Иосиф, естественно, остановиться уже не смог и, глупея прямо на глазах, принялся искать причину беды, приключившейся с ним. Цепляясь за логику, которая больше пригождается на базаре, и при этом невероятно гордясь тем, что еще может что-то соображать, он начал даже не с сегодняшнего, а со вчерашнего вечера, увы, не замечая, что любой шаг только уводил его от комнаты, в которой нет стен и бессмысленных желаний, просыпаясь в которой, видишь только то, с чем не можешь не согласиться. Потому что это ты все устроил. Ты сам! Все, что когда-то происходило и что произойдет в будущем. Придумал, поместив мир на своей на ладони…

– Может я как-то неправильно вел себя вчера с гостями?, – задался вопросом Иосиф. – Может не так этих ослов рассадил? Так их же всех звала и рассаживала Мария… Да и не затем они явились ко мне, чтобы поздравить Михаэля, а чтобы эта ненормальная дала

каждому из них искупаться в ее глазах. Бездельники! Дармоеды! Сволочи! Что они могут дать ей взамен?! Выпьют ведь всю, как паук выпивает муху. А потом еще и проклинать станут…

Он мысленно заглядывал в лица своих вчерашних гостей, пытаясь отыскать среди них того, кого мог нечаянно обидеть взглядом или словом, наивно полагая, что в этом и заключается причина кошмара, в который вогнал его улыбчивый незнакомец.

– А ведь и в самом деле полгорода вчера пришло! Пришлось даже скамейки от соседей тащить, чтобы всех рассадить. Четырнадцать лет – не шутка. Уж совсем взрослым стал… Да нет, вроде как все хорошо прошло. Главное, вина на всех хватило. Только вот зачем Михаэль бредит этими дурацкими Мучениками? Сына – элазаровца мне только не хватало…

Иосиф какое-то время еще припоминал, кому и что он говорил, и, конечно, не заметил, как перешагнул точку невозврата, окончательно увязнув в паутине…

Не люблю, когда меня жалеют

Нет, ничего предосудительного в своем поведении на празднике Иосиф не нашел. Все было просто здорово вчера, – вкусно, шумно и весело. Вот только под конец захмелевшие гости позабыли, в чью честь устраивалось торжество. Но так ли это важно? Принцесса, за отсутствием других женщин в домах раввина и Сира, – раньше хоть повариха была, – по обыкновению взвалила на свои хрупкие плечи почетную и вместе с тем чрезвычайно хлопотную обязанность хозяйки стола, с которой, как всегда, прекрасно справилась. Можно даже сказать, с удовольствием. Вот именно, – с удовольствием! А что плохого в том, чтобы испытывать удовольствие от того, что тебя, а не кого-то другого желают видеть распорядительницей пира, тем более, что с этой взрослой ролью ты справляешься лучше многих? Кому ж не понравится быть в центре внимания? Если ты этого стоишь. И наконец, у кого повернется язык сказать, что у Михаэля или его отца часть положенного им внимания Мария вчера украла? Что она сидела во главе стола и радостно всеми командовала не по праву. – Ведь это она нажарила рыбы, испекла целую гору медовых лепешек и приготовила множество других вкусностей! Да она ночь не спала, и они с отцом еле дотащили корзины до дома Иосифа!

– Все-таки Сир продает лучшее вино в округе. А может и во всей Галилее, – даже сейчас не мог не вспомнить благодарный раввин. — Где еще такое найдешь? И ведь как много принес! Даже осталось…

Так вот, Марии, зачинщице и предводительнице всех потешных безобразий в Магдале действительно нравилось быть руководительницей чего бы то ни было. (Одно ее требование позволить девочкам посещать синагогу чего стоило! Это же неслыханно! До самого Ершалаима дошло. Но ведь в итоге разрешили! В порядке исключения. Сам Каифа, – этот подлый гад, – подписал бумагу.) И вчера за столом Принцесса суетилась, важничала и веселилась больше других. Все правда. Ее звонкий голосок не умолкал ни на секунду. Практически ее одну и было слышно. Так что, когда после первых двух тостов за здоровье Иосифа и Михаэля гости с воодушевлением переключились на зеленоглазую устроительницу застолья и стали наперебой поднимать бокалы уже исключительно за ее красоту, ум и прочие достоинства, о формальных виновниках торжества забыли. А тут и удивляться нечему! – Эта стройная модница, из которой энергия хлестала фонтаном, была не просто украшением праздника. Она, собственно, и была праздником. Звездой, которая греет и которой невозможно не залюбоваться. (Кстати, воздыхал по ней не один Михаэль. – Вся банда лежала у ее ног. Это так, к слову.) И потому ей многое можно простить. Например, ту мелочь, что она не желала и в принципе не умела в чем-либо быть второй. Даже в том, что ей было явно не по зубам. Или не по возрасту. Мария искренне полагала, что в нашей несправедливо короткой жизни никаких «вторых» вообще не должно быть, о чем, ни капли не стесняясь, она и заявляла любому, кто просился под ее знамя, но при этом не мечтал стать героем, отважным мореплавателем или – недавно она узнала еще одно новое слово – Мессией. Так, к примеру, Натан, сын градоначальника, был ею с позором изгнан из банды лишь за то, что обмолвился о своем желании продолжить дело отца. Он начал было совать ей украденный у родителя шекель, лишь бы она позволила ему остаться в армии верных подданных. Но Принцесса была непреклонна. А Михаэль, когда про шекель узнал, разбил Натану нос и обозвал его нехорошим словом. – И чем, скажите, не принцесса! А потом, ведь только у нее в Магдале светлые волосы и глаза, – явление в местных краях редкое! И кожа ее белее, чем у других… Не исключено, кстати, что именно по этой причине горожане, и не только те, что попроще, с поражавшей раввина легкостью подсаживались на мифы, сочиняемые для них Михаэлем, и верили в то, что Мария – настоящая принцесса, скрывающаяся до поры в безвестной глухомани, потому что три царя в черных мантиях ищут ее убить. Но, когда в Магдалу прискачет прекрасный

принц в белых одеждах и огромный корабль… И так далее. Ну, может быть не греческая принцесса, но какая-нибудь…

В общем, ничего подозрительного во вчерашнем вечере, такого, чем мог бы кормиться его сегодняшний ужас, Иосиф не отыскал. Никого он не обидел. Всем вчера было легко и весело. А когда солнце зашло, предоставленные самим себе подростки развели во дворе костер и плясали вокруг него как сумасшедшие. Крики, бубны, визг Марии, – все, как полагается. Даже полудурошный Ав, все эти годы по-прежнему кормившийся из милости в доме раввина и спавший в хлеву, причем не на соломе, как утверждают некоторые, а на том, что сам он с гордостью называл кроватью, хоть и немного поломанной, так вот, этот невзрачный болезненный молчун, по приказу не на шутку разошедшейся Принцессы также вырядился пиратом и, по случаю праздника будучи с высочайшего разрешения принятым в шайку, как угорелый носился по двору вместе с остальными «разбойниками». Иосиф и Сир с изумлением обнаружили, что этот заморыш, оказывается, тоже может смеяться. Трудно предположить, чтобы Иосифу и Сиру нравилось то, во что с таким азартом играли их дети, – все-таки не последние семьи в городе, – но куда ж было деваться, если это рискованное развлечение забавляло Марию и хоть немного отвлекало ее от грустных мыслей. Поначалу в городе решили, что новая забава – очередное изобретение хулиганистого Михаэля, и недоумевали, как это Иосиф, зная его крутой нрав, терпит все это. Но в один прекрасный день магдальцы неожиданно нашли эту дикую игру безобидной и даже милой. Бухтения вмиг прекратились, когда выяснилось, что игру в благородных пиратов выдумала Принцесса. Как, впрочем, и все остальные… Но мало того, что выдумала и затащила в нее детей из лучших семейств, устроив в банду строжайший конкурс, так еще пошила для «безжалостных головорезов» эти жуткие разбойничьи костюмы и сама участвовала в разработке военных стратегий. Магдалу пообещала пока не трогать… Слава Богу, хоть ножи у них были ненастоящие. И что? – Ну, с обывателями все понятно, – Михаэль, два года назад объявивший Марии, что скоро на ней женится, и подаривший по этому поводу ей свисток и пояс от платья матери, тогда же продал за два шекеля на рынке торговцу финиками «самую секретную тайну, какая только бывает», и взял с него страшную клятву молчать, так что теперь весь город ложился и просыпался с мечтой о том, чтобы Принцесса поскорее выросла и прославила это забытое Богом захолустье вместе с населяющими его ничтожествами на весь мир и вечные времена. (Может тогда хоть рынок человеческий построят. Кстати, пояс Принцесса одобрила и даже разрешила поцеловать свою руку, а про свисток ничего не сказала, – просто взяла.) Так вот, эти олухи с такой готовностью верили в возмутительное вранье Михаэля, что раввин схватился за голову и на собраниях в синагоге начал уже грозиться божьим гневом, втолковывая им словно малым детям, что Мессия никак не может родиться со светлыми волосами, а тем более девочкой. Что его сын просто нагло всех дурит, а они, простофили, и уши развесили. Что в конце концов все эти их нелепые ожидания просто смешны!

Парадокс, но своими стараниями побудить местных хотя бы раз в месяц вспоминать о здравом смысле, Иосиф лишь укрепил их в опасном заблуждении: добровольно заразившиеся безумием обыватели, если раньше в чем и сомневались, теперь, похоже, решили спятить окончательно и с непостижимой для раввина страстью стали ожидать пришествия Мессии, найдя в этом идиотском занятии искупление своей беспросветной приземленности и возможность ощутить себя людьми, способными на возвышенное переживание. Почувствовать себя чуть ли не мистиками! – Ну все кругом с ума посходили!… — Господи, что взять с дураков! Обидно, конечно… Ведь и вчера эти олухи заявились не к нему и, понятно, не к Михаэлю, – плевать они хотели на его день рожденья!, – толпа пришла поклониться вырастающему на их глазах секретному чуду, с которого, а точнее с которой готова была пылинки сдувать. Получается, что раввин, пытающийся отрезвить этот сброд, замахнулся на их надежду… И вообще им не нравится, когда он без должного уважения говорит о Марии!… Когда это он

говорил о ней без уважения?… – Ну, короче, все с ними ясно! Хорошо еще, что хоть Мессией ее пока не называют. Открыто не называют. А что они там про себя думают?… Эти бараны ведь и в Элазара верят! И шайку бандитов, в которую можно вступить, только убив римлянина, на полном серьезе называют «Мучениками Элазара». Боятся ее как саранчи и вместе с тем гордятся ею. Идиоты! А ведь не было такого святого! Еще пятнадцать лет назад никто про него не слыхал.

– Догадываюсь, чьих рук дело. Только зачем ему это?…

Да действительно, с дураков взять нечего. Но почему же в таком случае Иосиф, к которому Мария каждый день приходила за наставлениями, или Сир – ее родной отец, два самых авторитетных человека в городе, не смели сказать Марии слова поперек? С какой стати они позволяли ей все эти бесчинства? Это возмутительное высокомерие и нелепый царственный стиль. И ведь неизвестно, кто именно сочинял про нее все эти невозможные истории, – Михаэль или она сама? Понятно же, что без ее ведома Михаэль вряд ли рискнул бы морочить головы этим оболтусам всякими глупостями про то, что скоро над Магдалой раскроется небо и все узрят Того, кого Израиль так долго ждал… – А с той самой стати Иосиф и Сир попустительствовали капризам девчонки, что, если когда-то Михаэлю исполнится столько лет, сколько сейчас Иосифу (что весьма вероятно, поскольку он явно здоровее отца), то Мария свой последний день рожденья отпразднует уже через пять лет. А это, считай, завтра! То есть, что она прожила уже больше половины своей жизни…

Раввин никогда не обсуждал с Сиром эту печальную тему, но, конечно же, знал страшный секрет. И понимал, какой кошмар живет в душе его единственного друга. На что похожи его ночи. Вот почему, когда гости, подсмотрев, как счастливые Мария и Михаэль, схватившись за руки, прыгают через огонь, начали, глупо подмигивая, наперебой поздравлять Иосифа и Сира и на что-то такое намекать, им обоим пришлось из-за стола удрать и отправиться бродить по сонным улочкам Магдалы. Молча. Потому как не хотелось расстраивать Марию. И зачем только Иосиф научил девчонку читать чужие мысли? Стоит выплеснуть себя из прозрачной чаши, которая никогда не бывает пустой… Мария, правда, заявила однажды, что про чашу ей первым рассказал Ав. Еще прежде, чем она вылечила первого старика. Раввин ей, конечно, не поверил и даже обиделся. Пару лет назад, увидев, как на лица Иосифа и Сира легла горькая тень, она подошла к ним и тихо, как-то очень просто сказала

– Не люблю, когда меня жалеют. Если суждено умереть молодой, – значит похороните красивой. Вот тогда и будете горевать. А сейчас нечего меня оплакивать! Это страшно и очень больно. Или хотите, чтобы я реветь начала?

С тех пор они не позволяли себе думать о том, что их всех скоро ждет, когда Мария оказывалась поблизости и могла их увидеть. Да даже когда и не оказывалась…

– Знаешь, если у них родится ребенок…, — произнес, наконец, Сир, когда они уже возвращались домой, и замолк, вытирая слезы…

– Только бы это была не девочка, —

тихо договорил за него Иосиф и принялся «бодрым» голосом рассказывать другу анекдот про умного еврея и двух глупых римлян, чтобы они смогли вернуться к гостям смеющимися.

Пушистые когти

– Как же он, несчастный, любит свою дочь! —

ответил, наконец, Иосиф на приветствие гостя, который все это время терпеливо дожидался хоть какой-нибудь реакции раввина на свое появление. И вот дождался… То, что он услышал, на кого-то другого, возможно, произвело бы удручающее впечатление. Но таинственный незнакомец даже не подумал:

– А не с идиотом ли мне посчастливилось встретиться в столь поздний час? Хорошенькое дельце… И стоило за этим Бог знает куда тащиться? Как будто в Риме или в Ершалаиме мало своих сумасшедших. Вот спасибо Каифе!…

Напротив, бросилось в глаза, если, конечно, пассажир чудо-колесницы не был великим актером, что такой, мягко скажем, странный ответ его удовлетворил, причем удовлетворил даже больше, чем любой другой, какого нормальный человек в праве был бы ожидать от нормального человека. Что именно за ним, как раз за этими самыми словами раввина он так далеко и ехал. Ну вот, дело сделано. Обо всем договорились. Больше обсуждать нечего. Так что теперь можно со спокойной совестью пускаться в обратный путь. Как бы то ни было человек без черного плаща убийцы с облегчением выдохнул и начал искать глазами, на что бы такое присесть. Нет сомнений в том, что, если бы Иосиф в эту минуту запел похабные куплеты или пустился в пляс, или начал грызть свою метлу, которую словно знамя или меч он зачем-то поднял над головой, его гость по-прежнему продолжал бы смотреть на него с невозмутимой ласковостью психиатра, делающего вид, что все в порядке. Что так и надо. Что это даже хорошо…

Пауза, однако, затянулась. И тогда раввин, если честно, пока ничем не доказавший того, что видит в синагоге кого-нибудь кроме себя, ведь в этом случае его, возможно, волновало бы, как выглядят со стороны все его выкрутасы, страшно завращал зрачками, собрался с силами и голосом, в котором послышались трагические нотки, очень эффектно – как ему показалось – завершил предыдущую фразу:

– А вот я, наверное, никудышный отец. Михаэль уже месяц в рваных сандалиях ходит…

Увы, было слишком очевидно, что Иосиф разговаривает с самим собой. Ситуация портилась. Хотя, куда уж хуже?…

– Да хороший ты отец! Не наговаривай на себя. До осени он в них спокойно проходит. Крепкие еще… – подключился к разговору уставший молчать гость, сообразив, что ситуацию нужно срочно спасать и делать это кроме него некому. — Меня вон, к примеру, до четырнадцати лет обували в сандалии из крокодиловой кожи. Из Египта привозили. И пряжки на них были золотые. С рубинами. Только вот отца у меня никогда не было. Никакого. Ни хорошего, ни плохого. Убили его, когда я еще младенцем был. Кажется, брат его родной. Или собственная мать убила… И знаешь, я предпочел бы всю жизнь босиком ходить, лишь бы у меня в детстве был отец. Хоть какой-нибудь. Разговаривал бы со мной. Игрушки дарил…

Внутренний голос робко откашлялся и должно быть уже не в первый раз за последние минуты напомнил Иосифу о том, что, если он не перестанет валять дурака и прямо сейчас не отправится по мокрой от росы траве в предрассветный черешневый сад, держась за руку умершей много лет назад матери, страх его просто убьет. Или превратит в полное ничтожество. Увы, этот слишком тихий советчик, говоривший абсолютно понятные и легко осуществимые вещи, должно быть, полагал, что имеет дело с разумным человеком. А где его было сейчас взять, разумного человека, когда в голове с жутким эхом все еще цокали лошадиные копыта? И с улицы доносится пронзающий мозг смех Михаэля, который вместо того, чтобы прибежать сюда и увести домой несчастного отца, приглашает кого-то ехать с ним кататься…

– Куда это он собрался? Да еще наверняка в этом своем дурацком наряде! Неужели так трудно?… —

Иосиф начал забывать слова, но, слава Богу, хотя бы перестал говорить вслух. — Будь Принцесса моей дочерью… — сделав особый акцент на слове «моей», обратился он к своему обычному собеседнику, тому самозванцу-недоумку, который, не дослушав его, вдруг обиженно плюнул на пол и выбежал из синагоги. — Вот ведь гад, – бросить меня в такой момент! – огорчился раввин. – Она бы обязательно почувствовала, как мне плохо, а этот оболтус… – продолжил жаловаться раввин, теперь уже пустоте. – И почему она его не научит? Трудно, что ли? Меня ведь он совсем не слушает…

Тяжеленный каменный жернов завертелся в голове еще быстрее, огромный и страшный…

– Постоянный… Вот еще!… Чтоб я ему Сира сдал! Ишь, чего захотел… Интересно, а куда подевался мой пояс?… Вечно он куда-то…

Страх внимательно посмотрел Иосифу в глаза, почесался и решил зайти за спину. Он был голый по пояс, что было просто неприлично. Нельзя появляться в синагоге в таком виде! В руке он держал не то нож, не то надкушенный огурец

– И что это он за имя себе выдумал?… А как, собственно, он себя назвал? Откуда ему вообще известно про Марию?

В голове раввина уже давно разговаривали сразу несколько разных человек. Странно, что раньше он их не замечал. Впрочем, это были не совсем люди.

– Ну точно, я его уже где-то видел! — доверительно сообщил Иосифу кто-то ему совершенно незнакомый. Потом этот незнакомец вскочил на задние лапы и так неудачно нырнул рыбкой в пруд, что брызги долетели до ресниц раввина и начали стекать по щекам.

– Опять все масло сожгли, идиоты, просил же! — раздраженно отчитал кого-то еще один постоялец голосом Иосифа, хотя это никак не мог быть раввин.

– А Михаэль и Ав сегодня опять в пиратов играли. – прошамкала коричневая жаба, которая давно уже потеряла половину верхних зубов и говорила теперь так невнятно, что ее почти нельзя было понять. Почему-то только сейчас Иосифу стало интересно, а должны ли у жабы быть зубы. — Вот сожгут эти разбойники синагогу и попрут тебя отсюда, – мечтательно закатила глаза коричневая жаба, ставшая почему-то зеленой, как будто ей очень хотелось, чтобы с Иосифом случилось что-нибудь ужасное.

– Да ладно тебе! — вступился за раввина кто-то мохнатый. Вроде не заяц и не лисица. В общем, непонятно кто. — Ему Каифа такой сюрприз приготовил, что он и без твоей помощи…

И не договорил, подлец, на самом интересном месте лопнул. Как мыльный пузырь.

– А недопитое вино в погреб убрали? — вдруг спохватился кто-то, у кого никакого голоса да, впрочем, и тела тоже не было.

– А я тебе говорю, дурак, что нехорошо девочке мужское платье надевать! – продолжал спорить с кем-то рот без головы, который Иосиф услышал почему-то только сейчас. Может, он что и раньше говорил.

– И рано еще ей с Михаэлем целоваться! — подпела безголовому рту жаба, вновь ставшая коричневой. — Они в хлеву целуются, я видела.

– Что ты там видела? Ты же слепая! — встрял в разговор тот, кого здесь не было, но кто об этом не знал, кто просто всем снился.

– Совсем уже стыд потеряли! — продолжала кипятиться жаба…

Мысли раввина не просто спутались, они начали меж собой ссориться и завертелись вокруг головы облаком рассерженных ос. Иосиф давно уже забыл, какой сейчас день, что на дворе вечер и нужно хотя бы попытаться выбраться на воздух. Напоследок его гулкий

пустой череп, словно это была выеденная муравьями высохшая тыква, бледно изнутри осветился.

– А ведь ты испугался его раньше, чем он сюда вошел.

Последняя трезвая мысль, как потревоженная головешка в гаснущем костре грустно вспыхнула и погасла. Теперь уже насовсем. И тогда зажегся черный свет. Пока еще нестрашный. По опыту Иосиф знал, что по-настоящему черным он станет позже, когда он горлом почувствует Ее приближение и его затошнит.

– Господи, как противно знать наперед, что случится…

Тень неуклюже влезла через окно, отряхнулась, поправила платье и встала рядом, в двух шагах от раввина, прислонившись к колонне. Иосиф мог дотянуться до нее метлой. Правда он Ее не видел. Только слышал, как Она переминается и чешется спиной о деревянную колонну. Ждет. Не Иосиф, – он уже мало, что соображал, – а, кажется, тот рот, что существовал сам по себе, громко повторил, что недавно здесь кто-то чего-то испугался, но раввин уже не понимал, что означают эти слова. Точнее, смысл каждого слова в отдельности был ему понятен, вот только в одно предложение они никак не складывались. И все тот же противный голос, который с когтями, солено пульсируя в глотке, сообщил ему, что метла стала совсем худой и ничего уже не метет. Странно, но про метлу Иосиф понял. И еще он осилил фразу, написанную на огромной ленте, обвившей его лоб, в которой говорилось про то, что давно пора купить Михаэлю новые сандалии. Обещал ведь…

– Неправильное имя! Потому что нет ничего постоянного, – прошептал противно вспотевший Иосиф. – Все меняется. Путь он не говорит глупости! Или есть? А метлу и правда придется выбросить…

Что же в вечернем госте, в этом милейшем, почти застенчивом человеке было страшного? – Загадка. Почему, как только он вошел, раввину захотелось отсюда бежать? Не оборачиваясь и не останавливаясь. Ведь тогда это была еще не Тень, которой нужно бояться. И, если бы левая нога не дрожала так сильно, а правая…

– А кстати, где правая?, — спросила падающая из рук раввина метла.

– Эх, если бы у меня были ноги!…, — царапнули напоследок около самых глаз чьи-то пушистые когти. Невидимый пол отвратительно качнулся и стало тихо.

– Ну наконец-то! Сколько можно ждать?!, — обрадовался страх, тот, что без когтей, и поплыл прямо в широко раскрывшиеся пустые глазницы раввина…

Посланец Каифы не стал дожидаться, когда Иосиф рухнет на пол, подхватил его подмышки и подтащил к лавке. После чего зашел сзади и растер его окаменевшую шею. Затем, насвистывая, вытащил из рукава шелковый платок и обрызгал его какой-то пахучей жидкостью из склянки, добытой из-под складок дорогой тоги, то ли греческого, то ли римского покроя…

Я у тебя воды просил. Ты мне дал?

Неизвестно, сколько времени прошло с момента, когда Иосиф открыл глаза, ощущая себя если не вполне сносно, то во всяком случае уже не умирающим.

– А ведь обычно я дня три после такого в себя прихожу… —

удивился он про себя и успел о многом подумать, прежде чем его внимание привлекла та странность, что, когда голосом, принадлежавшим, должно быть, кому-то из клоунов его безумного зверинца, он негромко, но вполне отчетливо произнес имя градоначальника, его улыбчивый посетитель начал ему что-то говорить и уже не переставал этого делать. Шевелиться не хотелось, потому как было еще немного боязно: – а вдруг эта тварь никуда не ушла, спряталась, подлая, за колонной или в волосах на затылке, и выжидает?… – Однако, Тень, похоже, изменила свои планы. И потому продолжать изображать из себя человека, который слышит, а главное, понимает смысл обращенных к нему слов, на деле здесь не присутствуя, становилось просто неприлично. Надо было что-то предпринять. Но что? Проблема, впрочем, разрешилась сама собой. И даже на удивление легко. Вглядевшись в шевелящиеся под римским носом тонкие губы и попробовав вслед за ними воспроизвести хотя бы часть того, что они пытались сказать, Иосиф интуитивно нажал какую-то правильную кнопку. И переключился. Горячая вода из ушей вытекла

– … Так вот, нам лучше отправиться в Ершалаим завтра же утром, – услышал он окончание фразы, — потому как в среду Каифа встречается с Иродом и будет ругаться с ним до пятницы, то есть ему будет не до нас, притом что дорога отсюда до Ершалаима занимает два дня. Так что времени пообщаться вам останется совсем немного. Ты меня понял?

Гость замолчал, отошел в сторонку и принялся разглядывать ничем не примечательные стены убогой синагоги, давая раввину возможность переварить сказанное (из чего Иосиф понял, что он зачем-то понадобился Каифе, но, правда, совершенно не понял – зачем), а потом, не оборачиваясь, вдруг спросил

– Ты вообще слышал, что я тебе сейчас говорил? Помнишь хоть, как меня зовут?

– Нет, – честно признался раввин, – но я сейчас встану.

– Нет уж, знаешь, ты лучше посиди, — поспешил избавить себя от ненужных хлопот посланец первосвященника. — Встанет он… С виду вроде не тяжелый…, — бормоча себе под нос и осторожно, так, чтобы Иосиф не заметил, стал рыться в складках своей бездонной тоги. — В следующий раз я тебя точно не поймаю.

Пряча что-то за спиной, гость начал осторожно приближаться.

– Грохнешься на пол и будешь лежать тут с разбитой головой. Слушай, а здорово тебя накрыло, – не умолкал он, прикидывая, как сподручнее исполнить задуманное. — Ты бы на воздух почаще выходил. У него здорово получалось заговаривать зубы. – А то сидишь весь день в духоте…

Вот уже и за спину зашел, прицелился

– Тут ведь и здоровый загнется. Не понимаю, чего ты так испугался? На-ка вот, хлебни…, —

и, не оставляя своему пациенту маневра для сопротивления, он одной рукой крепко обхватил его голову, а другой быстро поднес к его рту флакон. И опрокинул.

– Ох и горькая же… дрянь!, — Иосифа чуть не вывернуло, но, странное дело, тут же и полегчало. А главное, замолчали эти поганые голоса. — Чем это ты меня напоил?… Спасибо. Дай еще…

– Хорошего помаленьку, — отрезал врачеватель, пряча флакон обратно и все еще с недоверием вглядываясь в лицо подопытного, цвет которого начал набирать краски. — Этой штуковиной я разрешаю себе пользоваться в исключительных случаях, когда совсем плохо, вот как

тебе сейчас. Только у нас с тобой разные болезни. Ты, я смотрю, смерти очень боишься… – и, очевидно, вдогонку прежнему разговору, из которого Иосиф мало что вынес, прибавил: – Неужели у тебя и в самом деле нет друзей? Веселее же будет ехать. А хочешь, и детей с собой прихватим? Город посмотрят, пока мы…

– Вот оно!!…

Стоило незнакомцу заикнуться о детях и раввина снова прошиб пот. Он вдруг понял, почему запаниковал. Ночью ему приснился нехороший сон, который по обыкновению забылся, как только он открыл глаза. Однако, весь день он не находил себе места. Его не покидало чувство тревоги. И вчерашнее вино здесь было ни при чем. С самого утра в нем только крепла уверенность, что Марии угрожает какая-то серьезная опасность и что он должен спасти ее от людей в черных храмовых облачениях. А может быть и не в черных… – Неважно в каких! Вот почему, когда улыбчивый молодой человек, отрекомендовавшийся другом и посланцем Каифы, вошел в синагогу, Иосиф не особенно удивился такому визиту. Испугался? – Да и очень сильно. А сейчас, когда вспомнил, при каких обстоятельствах видел прежде этого балагура с чистыми ногтями и аптекой в складках тоги, не удивился тому, что бежать отсюда ему захотелось раньше, чем опасный гость открыл дверь. – Предчувствие…

– Ты – не израильтянин! — ни с того, ни с сего выдал он. Получилось сердито, а главное, непонятно, зачем вообще это было сказано. — Ну и что из того, что он не израильтянин? Еще обидится, – испугался Иосиф. – Надо бы с этим типом быть поосторожнее. С таким только сумасшедший станет шутить. Как же – посланец… Да он сам кого угодно послать может! Того же Каифу, например. Я еще в своем уме…

– Ну слава Богам, оклемался! — обрадовался липовый посол, обидеть которого, похоже, было непросто. — Ты бы видел себя, — весело потирая руки и тепло улыбаясь, сказал он, усаживаясь напротив, так, чтобы одновременно видеть глаза Иосифа и окна, выходящие на улицу. — Ты же весь зеленый был! Допьешься когда-нибудь.

– Да я и не пью совсем, – зачем-то соврал раввин.

– Ну да, конечно, — усмехнулся мнимый гонец, обмануть которого, судя по всему, было еще сложнее, чем обидеть. —

– А как ты понял, что я не израильтянин?

задал он вопрос как бы между прочим и не пряча глаз, предоставив Иосифу возможность читать в них все, что тому заблагорассудится. А там было, что почитать! Чего там, однако, не было, так это опасения, что кто-нибудь может его переиграть. Что он может оказаться в чем-то неуспешен. Что бы он ни задумал!

– Я вспомнил тебя. Это ты тогда приехал к Каифе.

Иосиф заговорил вдруг с каким-то идиотским подвывом, словно со сцены греческого театра решил заклеймить в страшных преступлениях ненавидимого публикой отрицательного героя.

– Откуда?, — подыграв раввину, «грозно» переспросил «злодей» и сдвинул брови, умудрившись при этом не рассмеяться.

– Из дворца Ирода. — ответил ему раввин уже в высокой трагической манере – в данной ситуации несколько проигрышной, поскольку изображать из себя обличителя, когда у тебя так позорно дрожат колени, вообще-то говоря, смешно. Хорошо еще, что он сидел.

– Когда именно?, — по складам, словно читая неразборчиво написанный текст сценария и при этом театрально хмурясь, переспросил «убийца». — Я ведь и с Иродом, и с Каифой регулярно встречаюсь. Так что…

– Когда они поссорились!

Иосиф избрал новую тактику: он где-то слышал, что, если грубо наступать на реплики партнера, не давая ему говорить, то натиск помогает справиться с волнением. Выходило не очень: голос по-прежнему принадлежал кому-то другому, но не молчать же в самом деле!

– Когда они поссорились… — задумчиво повторил гость последнюю фразу и… потерял темп. Наступила пауза, во время которой обрадовавшийся своему успеху Иосиф успел не только выдохнуть, чего уже давно не делал, но и получше разглядеть своего вельможного гостя: в общем, не такой уж и страшный. – Да я их раз в неделю мирю. — проснулся, вернувшись в пьесу, растерявший пафос актер. При этом он исключительно натурально зевнул и громко, по-собачьи клацнул челюстями. И уж совсем просто, как говорят только с близкими друзьями, добавил: – Знаешь, они что-то теперь слишком часто стали ссориться. У вас не царь, а барышня кисейная. Всего на свете боится.

Уже из четвертого ряда римлянина не было бы слышно. Ну решительно не хотел играть в злодея этот добродушный «убийца»! Да и не походил он совсем на него…

– А чего больше, смерти или власть боится потерять? – купился на доверительную интонацию коварно обманутый раввин. Причем подвело его даже не любопытство, а то, что он забыл, когда вот так, запросто разговаривал с людьми, делающими погоду во дворцах. Он элементарно соскучился по той «интересной» жизни, когда они вместе с Каифой и тогда еще молодым Иродом… На мгновение он даже отвлекся от мысли, что визит высокого гостя может иметь целью навредить Марии. Однако отвлекся лишь на мгновение и уже в следующее недобрыми словами обругал себя за легкомыслие.

– Как тебе сказать…, — продолжал тем временем плести паутину незнакомец. — В каком-то смысле это ведь для него одно и то же. Вот представь себе…

– Десять лет назад! — снова грубо оборвал его раввин, которому вдруг стало безразлично, чего боится Ирод и жив ли он вообще. Иосиф кожей почувствовал, что этот улыбчивый врачеватель имеет полное право называть себя чьим угодно посланником, но приехал он сюда исключительно потому, что так было нужно ему самому. Иосиф вспомнил, как двенадцать лет назад в Кесарии Стратоновой первосвященник и царь иудейский приветствовали этого молодчика стоя, а он при этом продолжал преспокойно сидеть и, вот как с ним сейчас, болтал о чем-то с Августом. Оба они впервые тогда приехали в Израиль. Сегодняшний гость Иосифа лишь приветливо махнул Ироду рукой. Не вставая!!… Так что послать его в эту глухомань за чем-либо мог разве что римский император. Да и то вряд ли…

– Не понял?

– Ты приехал десять лет назад в Ершалаим, — сбавив тон, повторил раввин. Ему уже почти удалось говорить спокойно.

– Не помню, давно было…

– А ты вспомни!, – нажал Иосиф. – Собрание малого синедриона в доме Каифы. Осень. Дождь еще тогда шел не переставая.

– А-а… — протянул римлянин, очевидно, что-то припомнив и сообразив, что именно Иосиф имеет в виду. Раввину показалось, что внутри глаз его собеседника выключился свет. Во всяком случае читать по глазам, о чем он сейчас думал, стало невозможно. —

– А ты, собственно, откуда знаешь про то собрание? Оно вроде как в большой тайне проводилось. Последние два дня так и вовсе по ночам собирались…

– Я на нем присутствовал, – тихо ответил Иосиф.

– Ты?… — исключительно правдоподобно изумился гость. – Интересно… Это в каком же качестве?

– А в каком позволено присутствовать на закрытых собраниях синедриона? Сам-то как думаешь?

Раввин, заслуживший в Ершалаиме славу первоклассного переговорщика, способного уболтать кого угодно и главным коньком которого была, как выразился ядовитый Каифа, «на редкость натуральная искренность и эмоциональность, растапливающая лед», чуточку пережал с «сердитостью». Но вроде бы сошло, во всяком гость давал понять, что стиль не слишком вежливого разговора в данном случае даже приветствуется.

– Старайся только не сорваться, — мысленно напутствовал себя Иосиф, с одной стороны помня, в каком состоянии был только что застигнут улыбчивым гостем, а с другой понимая, что не за тем этот вельможа проделал столь долгий путь, чтобы говорить с ним о мелочах. — Интересно, а что на самом деле он обо мне знает?

– Погоди, не понял. А что в таком случае ты делаешь…, – римлянин на мгновение замялся, – в этой дыре?

Обезоружил подлец! Под дых ударил. Щенок поганый, взял и обыграл мастера! Да так легко. Так спокойно и честно глядя в глаза!

– Можно подумать, этот хитрый лис не знал о том, что ты был членом синедриона!, – тут же заверещала в голове раввина пушистая сволочь с когтями.

– Великий артист, — поддакнула ему жаба, с восхищением глядя на римлянина, и, обращаясь к раввину, добавила: – Все, ты продул! Он смотрел на тебя, а у тебя на морде написано, что ты стыдишься своего жалкого положения.

– Живу я здесь… теперь…, — мотнув головой в надежде вытряхнуть из нее жабу убитым голосом ответил гостю Иосиф. И вдруг взорвался: – По твоей милости!

– Что значит – «по моей милости»?, – сделал круглые глаза римлянин. – Я что ли тебя сюда спровадил?

– А кто?!, – заорал Иосиф уже во всю глотку.

– Да я тебя впервые вижу, — с тревогой глядя на внезапно покрасневшего раввина, отмахнулся от него гость.

– Ну разумеется!, — Иосифа уже откровенно несло и он это чувствовал, только вот поделать с собой нечего не мог. — Ты ж только с царями общаешься! Где тебе мелочь вроде меня замечать!

– Ну почему только с царями?, — переключившись на «непринужденно доверительный» тон, попытался утихомирить бурю гость. — Случается, что и с нормальными людьми. Но чаще, конечно, с дерьмом собачьим, – все-таки огрызнулся и добавил, странно ухмыльнувшись: – Сейчас вот, к примеру, с тобой разговариваю.

– Это ты тогда все изгадил, — не унимался теряющий над собой контроль раввин, в мозгу которого по меньшей мере четыре зверя, громко меж собой споря, принялись выяснять, за кого именно держит римлянин Иосифа, за нормального человека или за дерьмо собачье.

– Эх ничего себе!, — гость сделал вид, будто опешил. — А по-другому сказать никак нельзя было?

– Именно ты!, — продолжал бросать ветки в огонь Иосиф, в уши которого опять стала наливаться горячая вода.

– Интересный у нас разговор пошел. «Все изгадил»… Ты бы подбирал выражения! Не на базаре все-таки… Кстати, меня тогда в Ершалаиме не было. Ну, в тот день, когда вы там всю эту ерунду замутили. Если помнишь, я приехал только во второй день.

– Вот именно! Во второй день. Тогда-то вся эта мерзость и случилась!

– Господи, да что там у вас стряслось? – Явился весь такой вежливый… Духами еще от него пахло!

– Вот только хамить не надо. Это нам совершенно ни к чему. Да и не идет тебе. Еще Михаэль услышит, – у римлянина неплохо получалось заговаривать зубы и менять темы. – Я тут успел с ним познакомиться. Хороший у тебя мальчишка. Шустрый такой. И, главное, смышленый: сразу меня в оборот взял. За шекель мою тележку напрокат взял! Поди уж всю свою банду в ней прокатил… Смотри-ка, а ты опять зеленеть стал. Лучше бы посидел спокойно и без крика объяснил, что я тогда вам плохого сделал. Такого, на что вы сами ни за что не решились бы. И к чему мне вас за рога пришлось вести. Вы же все такие хорошие, как посмотришь. Один лучше другого.

– Какую еще тележку?… Это ты тогда все сломал!, – отозвался Иосиф. – Об колено сломал. То, чего не строил и на что тебе наплевать! Вы же, римляне, всех нас презираете… Нет больше синедриона.

– То есть как нет? — Похоже, гость действительно удивился. Впервые за вечер. — Позавчера я их всех у Каифы видел. Живы и здоровы…

– А так! Теперь в Ершалаиме есть только Каифа. И стадо послушных баранов при нем. – Иосиф помрачнел и, с ненавистью взглянув на по-прежнему улыбающегося гостя, процедил сквозь зубы: – Твоя работа. Точно. Поздравляю. Рим теперь может спать спокойно.

– А-а-а, все понятно. Так это ты тогда выступил против.

– Да я!

– Ну и зря. Чего добился? И потом, с чего ты взял, что я презираю твой народ? Любить мне вас, и правда, не за что, но чтобы презирать… Это ты перегнул. Друг мой, у нас подобное называется манией величия.

– Что значит зря?!

У Иосифа проявился странный симптом: в его голове задерживалась только часть из того, что говорил ему римлянин. Остальное он пропускал мимо ушей, то есть попросту не слышал. —

– По-твоему единственным отличительным признаком Мессии является его бессмертие? То, что его нельзя убить? Ты действительно считаешь, что только так его можно узнать?!

– А чего ты на меня орешь? Эту формулу, вообще-то говоря, не я придумал. Ты уж извини, но этот бред – вашего изобретения. Я бы до такого не додумался. Это ведь все одно, что сказать: «ОН НИКОГДА НЕ ПРИДЕТ!». И кого же вы тогда, позволь спросить, так яростно ожидаете? Вокруг чего такой сыр-бор подняли?

– Теперь я точно знаю, кто придумал эту проклятую Игру, – глухим голосом произнес раввин. Ему показалось, что Тень, которой он так сильно испугался, никуда не ушла, а по-прежнему прячется у него за спиной. Он опять стал терять сознание и вряд ли расслышал последние слова гостя. На его лице появилось такое выражение, словно он съел хины или наступил на скорпиона.

– Загадками заговорил… Какую еще игру?, — вскинулся римлянин, весьма правдоподобно изображая недоумение.

– Да хватит уже! Не понимает он!, – опять взорвался раввин.

Недавнее чудесное выздоровление и по большей части то обстоятельство, что римлянин до сих пор его не зарезал, придало Иосифу смелости и сил обличать. Правда, от волнения его голос опять начал дрожать. Но уж больно хотелось прогнать этот убивающий его страх. Тень действительно была рядом…

– Эту мерзкую забаву для ваших доблестных солдат! Ну, когда прокуратор клянется своей женой и детьми… Скажи честно, – ты придумал? Или Каифа? А может быть Ирод?

– При чем здесь Ирод?… Ты меня удивляешь, — медленно протянул незнакомец, соображая, как избежать неприятного разговора. — – У Ирода на это мозгов не хватило бы…

– Неужели прокуратор?

– А он-то здесь при чем? Валерий Грат, – секунду помедлив, ответил римлянин, – хороший солдат, но политик из него никакой.

– Значит все-таки Каифа? Вот негодяй!, – Иосиф уже задыхался от гнева.

– Какой ты нервный в самом деле… — с неохотой начал римлянин, понимая, что выкрутиться, отмолчавшись, не удастся. — С тобой, знаешь, трудно разговаривать. Все время дергаешься, психуешь. Каифа лишь деликатно обозначил вашу проблему, – гость слегка присел на слове «вашу». — Ну, ту самую…

– А ты, значит, нашел ее решение, – пригвоздил его раввин.

– Не знаю, поймешь ты меня или нет, — внимательно разглядывая свои ногти, проговорил римлянин, — но мне и одного избиения ваших младенцев хватило. Того, что Ирод устроил четырнадцать лет назад…

Он немного помолчал, как-то странно посмотрел на Иосифа и вдруг залепил:

– В отличии, возможно, от тебя!

Гостю совсем не требовалось подсматривать за онемевшим от чудовищно несправедливого обвинения, брошенного в лицо раввину, чтобы понять, какие эмоции вскипели у того в душе. Принимая во внимание то обстоятельство, что из-за болезненного состояния Иосифа длинного разговора у них могло не получиться, римлянин решил поменять тактику и пошел на обострение. Выдержав паузу, за время которой его собеседник добрал требуемый градус озверения, он тихим голосом, словно говорил с самим собой, к предыдущей гадости добавил еще одну:

– Понимаю, крови тебе хотелось бы побольше…

– Да ты!, — не вскричал, а как-то поперхнулся Иосиф. И перед глазами поплыли отвратительные желтые круги.

– Я сказал «возможно», – быстро откатил назад грамотный психолог.

– Ты!…

– А чего ты так взвился? Я что-то не то сказал?, – дав проглотить наживку и не снимая с крючка, продолжил он игру со своей жертвой.

– Сволочь!

– Ну ладно, не тебе. Доволен? Говорю же, не тебе!, – в довольно странной форме извинился римлянин, ни мало, впрочем, не сожалея о сказанном. — Ты, как мне известно, при виде крови в обморок падаешь. Но ведь есть такие, которые не теряют сознания, а верят они, заметь, в то же самое, во что веришь и ты. И вдобавок еще проповедуют. То есть заставляют во все это верить других. А во что, собственно? Вот ты – рабби. А что это слово значит?

– Учитель…

– И чему же ты учишь свою паству?

– Ну… Много чему.

– А я тебе скажу, чему. Ты ведь не учишь их, как можно вашего Бога увидеть. Что, неправда? То есть ты не рассказываешь им, как можно научиться по-настоящему верить. Что, оказывается, Его еще можно и любить, а не только бояться и ползать перед Ним как…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.